

Алексей Жабский Цвета памяти

Жизнь у Алексея Александровича Жабского (1933–2008) была трудной — и при том счастливой, в том смысле, в каком она бывает счастливой у всякого талантливой человека, полностью отдавшегося творчеству. Родился он в Сибири, в глухой деревушке, отец его был железнодорожным обходчиком и погиб, когда маленькому Алеше было всего семь лет. Матери пришлось поднимать шестерых детей, и это в войну! Жили в землянке, практически нищенствовали. И вот на этом фоне у мальчика открылся ярчайший художественный дар. Он рисовал при любой возможности, на любых клочках. Людей, животных, природу.

Потом, по окончании школы-семилетки, было художественное училище в Свердловске, где преподаватели настолько впечатлились талантом юноши, что добились направления его в МГХИ им. Сурикова. Там Алексей обучался на факультете станковой живописи, его учителем был замечательный художник и педагог Д. К. Мочальский. Спустя несколько лет вместе с другими выпускниками Суриковки Жабский вошел в творческое объединение, называемое сегодня «романтиками реализма». В этом был, очевидно, неявный вызов искусству соцреализма, но главное — в таком «романтическом реализме» наиболее естественным образом выразился взгляд художника на жизнь. Взгляд, который проявлялся в самых разных жанрах — будь то пейзаж или натюрморт, будь то серии сюжетных картин вроде самой его известной — «Дети войны».

А еще, помимо изобразительного искусства, Алексея Жабского привлекало и искусство слова. Он писал автобиографические рассказы — короткие, емкие и удивительно точные. Один из них, «Красный карандаш», мы и предлагаем вашему вниманию.

Красный карандаш

◀ *Дети войны*
(читают книгу).
2007. Из собрания
Центрального
музея Великой
Отечественной
войны

Раннее детство мое проходило на железной дороге в Сибири. Наша семья жила в железнодорожной будке, которая одиноко стояла недалеко от города Каргата.

Сразу от крыльца начиналось поле. Это было удивительное поле: оно состояло из сплошных цветов, трав, бабочек, стрекоз и птиц и тянулось до самого горизонта. По другую сторону будки шумел бесконечный лес. Весь мой мир был: железная дорога, будка, поле, лес. А еще я любил подолгу лежать на высоком крыльце нашей будки и глядеть в синее небо. Особенно осенью, когда день был теплый и ясный, и когда прямо надо мной пролетали стаи журавлей. Клином. Я им махал руками и кричал, а они курлыкали, и я думал, что они отвечают мне. Журавли летели так низко, что я рассматривал их крылья, вытянутые ноги и шеи. На лету птицы перестраивались, но клин не нарушался никогда.

Иногда я просыпался одновременно с отцом, и он брал меня с собой на работу. Мы вместе осматривали его участок: отец был путевым обходчиком. Когда он забивал костыли в шпалы, я сидел на рельсе перед ним. Отец сосредоточенно и серьезно делал свое дело. В руках у него был огромный молот, который описывал в небе дугу и с грохотом опускался на костыль в шпале. При каждом ударе молота я слышал громкое отцовское «Эх!».

Иногда я спускался по насыпи. Там внизу было много птичьих гнезд и росли лозы, под которыми на солнце блестела вода, такая прозрачная, что сквозь нее просматри-

▲ Натюрморт
с курицей.
1995.

Собственность
семьи художника

валось всё дно. Однажды я увидел куличка, длинные тонкие ножки которого были погружены в воду. Своим длинным клювом он вылавливал из ручейка мелкую рыбку, жучков и головастика. Увлёкшись этим занятием, он оказался совсем рядом. Заметив опасное соседство, он опустил одно крыло и, притворившись раненым, прихрамывая, отбежал подальше. Куличок был такой красивый, что мне непременно захотелось взять его в руки. Он подпускал к себе близко и разглядывал меня, а я разглядывал его. Но как только я, не дыша от волнения, протягивал к нему дрожащую руку, он, опять прихрамывая, уходил от меня на некоторое расстояние. Наконец, куличку надоело посягательство на его свободу, он разбежался и улетел.

Когда мимо проходили поезда, я с откоса всегда махал рукой.

В начале сорокового года отец решил съездить в далекую столицу. Он намеревался купить в Москве кой-какого товара, чтобы мама могла пошить детям рубахи и платья. А детей в семье было шестеро: мал мала меньше. И все эти шестеро ждали обнова.

Накануне отъезда родители много говорили о предстоящем событии. И вдруг у меня, шестилетнего, возникло громадное желание поехать вместе с отцом. Фантазия моя рисовала сказочную Москву. Я со слезами стал просить отца взять меня с собой, и он согласился, но при условии, что я не буду плакать.

► **Облачный день
в Угличе.** 1982.
Собственность семьи
художника

▼ **Деревня
на берегу р. Улеймы.**
1984. Собственность
семьи художника

▲ **Колхозный рынок.** 1980–1988.
Из собрания
Белгородского
государственного
художественного
музея

И вот в назначенный день мы отправились вдоль железной дороги на станцию. Ходьба по шпалам оказалась такой утомительной, что я от усталости сначала захныкал, а потом и заревел. Отец в ужасе представил поездку с такой обузой и стал отговаривать меня от дальнейшего путешествия. Он даже на станции в Каргате купил мне мороженое, но я уговорам не поддавался — хотел ехать. Потом подумал, что, пожалуй, соглашусь отказаться от поездки, если отец привезет мне из Москвы цветной красный карандаш. Отец с большой радостью сказал, что обязательно исполнит просьбу. Он немного проводил меня в обратный путь и, когда показалось наше жилище, мы расстались. Отец помахал мне рукой.

Каждый день мы ждали возвращения отца. Наконец, радостный день наступил: отец приехал. Он привез для всех сладости, разные подарки, ситцу на обновы. Потом торжественно вынул из своего фанерного чемодана новенький красный карандаш и вручил его мне. С этой минуты я с карандашом не расставался, пока не изрисовал его до последней крошки. Мои рисунки появлялись в самых неожиданных местах: на стене, на полу, на белой русской печи. Это были бабочки, лошадки, птички. С тех дней меня не покидало желание рисовать постоянно. **Ф.**

▲ **Теплый вечер.**
1983. Собственность
семьи художника

◀ **Портрет колхоз-
ника (пастух Ленья).**
1973. Собственность
семьи художника